

- <sup>41</sup> *Montemayor F.* La poblacion de Veracruz. Veracruz, 1956. P. 21.
- <sup>42</sup> *Lopez y Rivas G.* Antropologia. Minorias etnicas y cuestion nacional. Mexico, 1988. P. 122.
- <sup>43</sup> Подробнее о ситуации в Белизе см.: *Грибанов П. В.* Этносоциальные процессы в Белизе и Гайане. М., 1993.
- <sup>44</sup> *America Indigena.* 1981. № 4. P. 28.
- <sup>45</sup> *Соколова И. В.* Этнические процессы... С. 223—224.
- <sup>46</sup> *Cornelis W.* Politics and migrant poor in Mexico City. Stanford, 1978. P. 20.
- <sup>47</sup> *Arispe L.* Migracion, etnicismo y cambio economico: un estudio sobre migrantes campesinos a la ciudad de Mexico. Mexico, 1978; *Hirabayshi L. R.* Formacion de asociaciones de pueblos migrantes a Mexico: mixtecos y zapotecos//*America Indigena.* 1985. V. XLX. № 3.
- <sup>48</sup> Censo General de poblacion y vivienda. X. 1980.
- <sup>49</sup> *Bartra R.* Op. cit.; Ensayos sobre las clases sociales en Mexico. Mexico, 1976; *Pozas R., Pozas Ys.* Los indios en las clases sociales de Mexico. Mexico, 1982.
- <sup>50</sup> Подробнее см.: *Грибанов П. В.* Индейская община...
- <sup>51</sup> *Kohler Ul.* Ciclos de poder en una comunidad indigena de Mexico: politica local y sus vinculos con la vida nacional//*America Indigena.* 1986. V. XLVI. № 3.
- <sup>52</sup> *Bonfil Batalla G.* Minorias etnicas. La alternativa del pluralismo//*El desafio mexicano.* Ensayo. Mexico, 1982. P. 243—252.
- <sup>53</sup> *Резниченко В.* Страна Ацтеков: поиски родства//*Латинская Америка.* 1994. № 9. С. 56.
- <sup>54</sup> *Хорошаева И. Ф.* Мексика... С. 82.
- <sup>55</sup> *Соколова И. В.* Этнические процессы... С. 218.
- <sup>56</sup> *Vision.* Mexico. 1987. V. 68. № 7. P. 42—43.
- <sup>57</sup> *Соколова И. В.* Этнические процессы... С. 216—217.
- <sup>58</sup> *Латинская Америка.* 1994. № 1. С. 73.
- <sup>59</sup> *Hipolito S.* Guerrero, amnistia y represion. Mexico, 1982.
- <sup>60</sup> *Amnistia Internacional.* Mexico. Los derechos humanos en zonas rurales. Intercambio de documentos con el gobierno mexicano sobre violaciones de los derechos humanos en Oaxaca y Chiapas. L., 1986.
- <sup>61</sup> *Кондрашова Л. И.* Штат Чьяпас. 1994 г.//*Латинская Америка.* 1994. № 11. С. 48.
- <sup>62</sup> *Lopez y Rivas G.* Op. cit. P. 107.

## Ethnic processes in Mexico

Some aspects of social and cultural interaction between Spanish-Mexican nation and Indian peoples are analyzed. The definitions «Ladino», «Ladinization», «Spanish Mexicans», «Mexicanization» are specified within the general set of interethnic relations in the country. Transitional ethnocultural groups are viewed as products of the social stratification.

*P. V. Gribanov*

© 1996 г., ЭО, № 5

Н. В. Ш л ы г и н а

## ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФИНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ИНГРИИ

Современное положение проживающих в России финнов занимает немалое место в числе проблем, связанных с их реабилитацией. С одной стороны, осуществляются мероприятия по возвращению их на места исконного проживания — на территорию современной Ленинградской области, с другой — происходит выезд некоторой их части на историческую родину — в Финляндию.

Среди финнов, проживавших в Советском Союзе (на 1989 г. — 67 359 чел.), примерно 90% составляли так называемые ингерманландские, или петербургские (ленинградские), финны, веками жившие на южном побережье Финского залива и на Карельском перешейке, поэтому в данном случае речь идет в первую очередь о них. В связи с современными их судьбами, проблемами переселения, культурного строительства и образования как в российской, так и в финляндской прессе и

научной литературе за последние годы не раз рассматривалась история формирования этой этнической группы, начиная с вопроса о времени появления финнов в этих местах, исходных местностях их миграции и включая их численность и ее динамику.

В этой связи мы хотели бы остановиться на данных, которые предлагает нам финляндская литература, и именно по той причине, что первоисточники по ранней миграции финнов, материалы шведских и финляндских архивов нам труднодоступны, кроме того, они уже достаточно разработаны финскими исследователями.

Некоторые работы, касающиеся переселения финнов на южное побережье Финского залива и южную часть Карельского перешейка, были опубликованы еще в конце прошлого века, в частности исследование О. А. Форстрёма<sup>1</sup>. Эта тема освещалась также в ряде этнологических исследований, в частности в капитальном труде «Финское племя» («Suomen suku»), в работе С. Халтсонена «Старая Ингрия» и соответствующих разделах «Истории ингерманландских финнов», вышедшей под редакцией того же С. Халтсонена в 1969 г.<sup>2</sup> Несколько разделов, написанных В. Салохеймо и Х. Киркиненем, отведены этим вопросам в недавно вышедшей работе «Ингрия. История, народ, культура»<sup>3</sup>. Демографическим аспектам истории ингерманландских финнов были посвящены также и специальные работы, начиная со студенческих исследований (О. Ярвенпяя, А. Янтунен) и кончая статьями известных специалистов — Э. Кууйо, В. Салохеймо<sup>4</sup>.

Мы не ставим себе задачей детального рассмотрения этих работ, а хотели бы лишь суммировать содержащиеся в них конкретные материалы по миграции финнов в Ингрию. Предварительно следует сказать несколько слов об этой территории, где несколько веков тому назад расселились финские колонисты. Она известна в российских источниках и литературе как Водская и Ижорская земли, Водская пятина, Ингрия или — в германизированной форме — Ингерманландия. По-фински же ее называли Инкери или Инкеримаа.

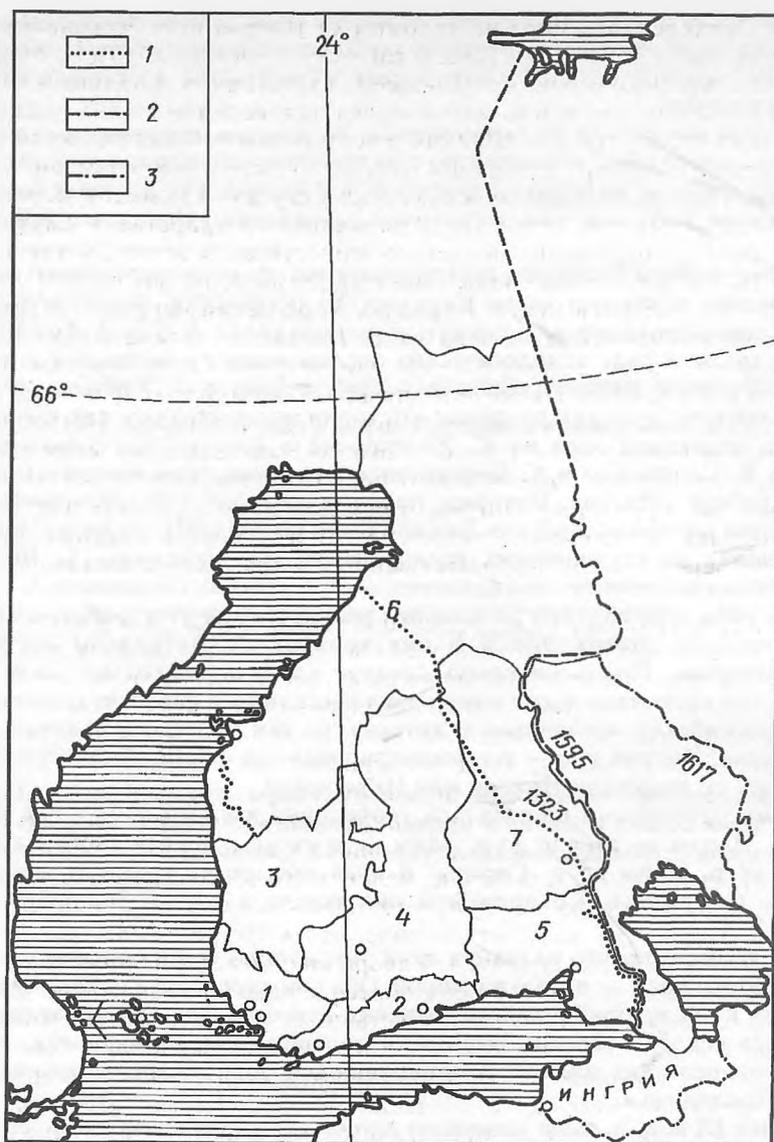
Под этими названиями понималась территория южного побережья Финского залива от р. Нарвы на западе до р. Лавы на востоке и южная часть Карельского перешейка от р. Невы до р. Сестры. В ходе времен ее границы менялись, то расширяясь, то сужаясь. Со временем она вошла в состав Петербургской губернии.

Следует упомянуть, что названия этой территории были связаны с коренным населением этого края — водью и ижорой. Оба эти народа по языковому признаку принадлежат к числу прибалтийско-финских этносов. Водь представляла собой, видимо, часть северозэстонских племен, в то время как ижора была, очевидно, ветвью южнокарельских племен, продвинувшейся сюда с Карельского перешейка и Южного Приладожья.

Не позднее IX в. н. э. сюда начинают проникать славянские племена, и вскоре вся эта территория оказывается в составе Новгородской республики. Это сыграло определяющую роль в дальнейших судьбах местного финноязычного населения: племена води и ижоры, относительно малочисленные, со слаборазвитыми феодальными отношениями, не смогли стать самостоятельными государственными образованиями. Их дальнейшее развитие шло в рамках Новгородской республики и под влиянием новгородской культуры. При этом водь и ижора хотя и насильственным образом, но приняли христианство в его православной форме, что наложило определенный отпечаток на их самосознание.

На судьбах всего местного населения, как финноязычного, так и славянского, роковым образом отразилось то обстоятельство, что через южное побережье Финского залива пролегли важные торговые пути, за которые с Новгородом, а потом с Россией боролись их западные и северные соседи. Пути, по которым с востока на запад шли товары, — ценная пушнина, позже хлеб и деготь, пролегли частью через реки Волхов и Неву, а частью западнее, по р. Луге.

На территорию Водской пятины с запада вторгались немецкие рыцари, с юга — польско-литовские феодалы, но наиболее длительными и кровопролитными были



Карта 1. Восточные границы Финляндии 1323, 1595, 1617 годов. Финляндские исторические земли: 1.— Вариссуоми. 2.— Уусимаа. 3.— Сатакунта. 4.— Хямэ. 5.— Карьяла. 6.— Похьянамаа. 7.— Саво. Границы: 1.— граница 1323 г. 2.— Граница 1595 г. 3.— граница 1617 г. (составлено по: *Jutikkala E. Geschichte Finnlands. Stuttgart, 1964. К. 2*).

военные столкновения и войны со Швецией. С конца XIII в., когда Швеция подчинила себе и восточные финляндские земли, ее границы с Новгородом, а позже Россией неоднократно менялись. Впервые эта граница была документально зафиксирована при заключении в 1323 г. Ореховецкого мира. Он был подписан в крепости Ореховец (или Орешек), стоявшей при истоке р. Невы из Ладожского озера. По-шведски эта крепость называлась Нётебург, по-фински — Пяхкинялинна (т. е. «крепость Орешек»), позже по-немецки — Шлиссельбург.

Согласно этому договору, за Новгородом оставались восточная часть Карельского перешейка, Приладожье и северная часть Финляндии (см. карту 1).

Официально эта граница просуществовала более полутора столетия. Но и после

заключения Ореховецкого мира на территории Ингрии шли бесконечные войны, сначала связанные с событиями Ливонской войны, затем, с 1570 г., происходили сражения со шведами. Война со Швецией, известная в финляндско-шведской литературе как 25-летняя война, закончилась подписанием в 1595 г. Тявзинского мира. По нему Россия уступила Швеции северные земли Финляндии (см. карту 1).

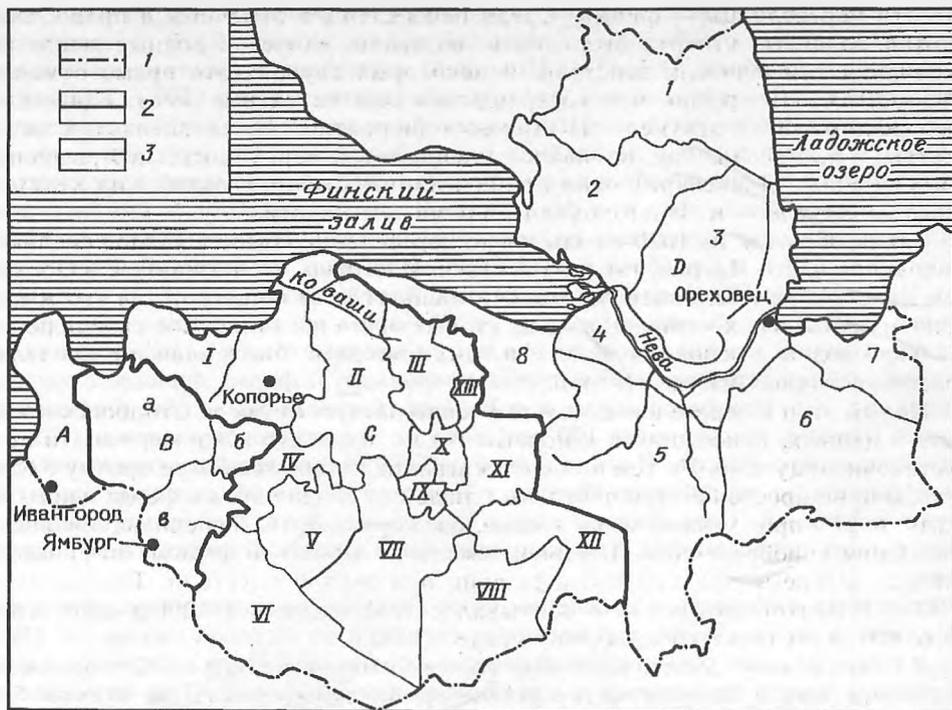
Однако и этот договор не означал окончания шведской агрессии — военные действия здесь вскоре возобновились. Успехам шведов в немалой мере способствовало то обстоятельство, что силы Российского государства в смутное время были отвлечены на отражение польского нашествия. В итоге Густав II Адольф подписал в 1617 г. в Столбове новый мирный договор, по которому Россия уступала Швеции всю Приладожскую Карелию, Карельский перешеек и земли вдоль южного побережья Финского залива от р. Нарвы на западе до р. Волхова на востоке. Именно в этом договоре эти земли впервые были названы Ингерманландией, что представляет собой германизованную форму финского топонима Инкеримаа, т. е. Ижорская земля, или Ингрия. Таким образом, Ингрия оказалась в руках Швеции примерно на 100 лет, пока по Ништадтскому миру в 1721 г. не была возвращена России. Именно в этот период и происходили основные переселения финнов на территорию Ингрии, о чем достаточно убедительно свидетельствуют источники. Сохранились также некоторые, хотя и скудные, сведения о более ранних переселениях, зафиксированные в шведской фискальной документации.

Известные материалы о населении этого края содержат и новгородские писцовые книги, в частности те, что касаются сведений по Вотской пятине от 1500 г. Они, однако, не дают сведений по этнической принадлежности населения, так как все личные имена приводятся в славянизированной форме. Тем не менее эти писцовые книги позволяют составить представление о численности населения Вотской пятины в то время. Один из финских исследователей, Х. Киркинен, суммировал сведения по Вотской пятине и северо-западной части Шелонской пятины, которая вошла в состав Ингерманландии. Исходя из числа дворов (8419) и числа душ мужского пола (11 292), он пришел к выводу, что общая численность населения, видимо, превышала 67 тыс. человек. То обстоятельство, что во многих дворах жило по два человека мужского пола — отец и сын или два брата, — позволило Х. Киркинену выразить мнение, что в Ингрии было немало больших семей. Средним же числом обитателей двора он считает 6 человек <sup>5</sup>.

Возвращаясь к вопросу о финских переселенцах на территорию Ингрии, напомним, что в те времена бегство крестьян за рубеж с целью избавиться от непосильных повинностей, часто идущее в обоих направлениях, было обычным делом. Так, для территории Ямбурга и Копорья, которые были в то время в руках шведов, сохранились некоторые сведения по податям за 1580-е годы. В них упоминаются финские переселенцы. Правда, эти данные столь отрывочны, что непригодны для более детального анализа <sup>6</sup>. Более существенны записи по обложению церковной десятиной начала XVII в. В них записывались не только данные о размерах посевных площадей, количестве скота и т. д., но и сведения об обитателях двора: отмечались новопоселенцы, время их прихода в эти места и указывалось, откуда они пришли.

Следует оговорить, что после Столбовского мира шведские власти сохранили в Ингрии старое русское административное деление земель на *погосты*, но объединив их при этом в 4 *ляна* (уезда). Вследствие этого сохранившиеся до наших дней материалы можно рассматривать соответственно по погостам и льянам.

Так, сохранившиеся поземельные книги по Западной Ингрии, Ивангородскому и Копорскому льяну (см. карту 2) позволяют установить, что в 1618—1623 гг. здесь было уже определенное число переселенцев из Финляндии: в Ивангородском льяне 14 человек, а в Копорском — 106. Отмечены и места, откуда они переселились: в Ивангородский лян в основном с островов Финского залива (о-ва Лавансаари, Сейскари) и из-под Выборга. Переселенцы под Копорье были выходцами из юго-восточных частей Финляндии <sup>7</sup>.



Карта 2. Ляны (уезды) и погосты Ингрии в середине XVII в. Границы: 1 — граница Ингрии, 2 — границы лянов, 3 — границы погостов: А — Ивангородский лян; В — Ямбургский лян; погосты: а — Толдожский, б — Опольский, в — Ратчинский; С — Копорский лян; погосты: I — Каргальский, II — Замошский, III — Дятелинский, IV — Ратчинский, V — Врудский, VI — Ястребинский, VII — Озерецкий, VIII — Лъешский, IX — Вздлиньский, X — Зарецкий, XI — Дегилинский, XII — Суйдовский, XIII — Кипенский; D — Ореховецкий лян; погосты: 1 — Куйвашский, 2 — Корбосельский, 3 — Келтушский, 4 — Спасский (Городенский), 5 — Ижорский, 6 — Ярвосольский, 7 — Лопский, 8 — Дудероский (Тудорский). (Карта составлена по: Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, 1991. s. 52).

Более детальны те материалы, которые относятся к Ореховецкому ляну и содержатся в документах по обложению населения десятиной. На 1623 г. здесь значилось всего 245 новопоселенцев, из которых по крайней мере 40 пришло еще в конце XVI в.<sup>8</sup>

Среди переселенцев, отмеченных на 1623 г., наибольшее число пришло в Корбосельский погост (фин. — Корписелькя) — 86 человек, далее по числу переселенцев идет Тудорский (или Дудеровский) погост (фин. — Туутери) — 42 и затем Ижорский — 28. В Городенском погосте отмечено лишь 4, а в Куйвашском — 5 человек.

Любопытны данные о местах, откуда пришли новоселы. Около  $\frac{2}{3}$  были из ближайших частей Финляндии: 80 человек — из Выборгского ляна, причем в основном из ближайших приходов: Эуряпяя, Яяски, Койвисто. Еще 62 человека пришли из Кексгольмского ляна.

Но кроме того, 87 человек были «внутренними» мигрантами; некоторые из них были и среди пришельцев из-под Выборга: они просто по окончании войны вернулись в родные места. Например, упоминаются такие крестьяне, что ушли сначала из-под Выборга в Кексгольмский лян, а затем переселились в Корбосельский погост.

В рассматриваемых документах национальная принадлежность крестьян не отмечалась, а только вероисповедание, однако оно по большей части служит надежным показателем. Естественно, что, когда речь идет о лютеранах, пришедших из приходов юго-восточной Финляндии, не возникает сомнения в том,

что эти переселенцы — финны. Среди переселенцев отмечены и православные. Можно полагать, что это были люди, возвращающиеся в родные места после окончания там военных действий. В некоторых случаях это прямо отмечено в документах. Интересно, что возвращались они из разных мест: одни шли из Выборского ляна, другие — из Ливонии (вероятно, из ее эстонских земель), третьи — из России. Так, из числа православных, вернувшихся в Ярвосольский погост (фин.— Ярвисаари), один пришел из-под Выборга, один — из Кексгольмского ляна, двое — из Новгородчины и один — с Ладogi.

Таким образом, на 1620-е годы число переселенцев было вообще невелико как в западной части Ингрии, так и на востоке. Известно, что названные в Ореховецком ляне 245 переселенцев составляли лишь 11% от общего числа его жителей, причем часть из них возвращалась на старые места обитания. Финские переселенцы были родом в основном из ближайших приходов Финляндии и расселялись в северо-восточных частях Ингрии.

Новый этап в переселенческом движении наступает после Столбовского мира, хотя в данных, относящихся к первым годам после его заключения, это еще не достаточно ощутимо. Но тем не менее миграция имела уже более прочную основу. Это было не просто бегство отдельных людей от солдатчины и феодального гнета (хотя и это продолжало играть немаловажную роль). Теперь начиналась колонизация приобретенных Швецией земель, которые необходимо было заселить, так как за время предшествующих войн они сильно опустели. Так, по данным 1637 г., в Ореховецком ляне насчитывалось 800 деревень и 1200 дворов и, кроме того, 800 пустующих крестьянских усадеб.

В Куйвашском погосте, на северо-востоке этого ляна, было 162 деревни, в них 207 обитаемых и 86 пустующих дворов. В Лопском погосте, на южном берегу Ладожского озера, в 39 деревнях насчитывалось 74 жилых и 33 пустующих двора. Особенно пострадал Городенский (Спасский) погост, расположенный по обе стороны р. Невы: в его 52 деревнях было 90 обитаемых и 102 пустых двора<sup>9</sup>.

Для этого периода мы можем говорить уже и о переселенческой политике шведского правительства.

После заключения Столбовского мира у шведских властей возникла идея передать значительную часть ингерманландских земель в руки немецких рыцарей, которые привезли бы с собой и своих крестьян как необходимую рабочую силу. Однако этим планам не суждено было осуществиться, только в Западной Ингрии возникло небольшое поселение немцев, которое с течением времени исчезло. В память о нем осталась церковь в Молосковицах, построенная в 1632 г., которую местное население называло «белой», потому что она была построена из местного известняка<sup>10</sup>.

Приток же населения из Финляндии быстро возрастал. С одной стороны, сюда устремлялись по собственной инициативе крестьяне, ибо они избегали таким способом набора в армию. С другой стороны, проявляли инициативу и новые владельцы земель, которым нужны были рабочие руки для полученных поместий. Раздача земель в Ингрии шла очень быстро: известно, что во времена королевы Кристины во владениях самой короны здесь осталось лишь немного пустующих дворов<sup>11</sup>. Предпринятая при Карле XI попытка отменить здесь крепостное право натолкнулась на противодействие местных дворян, а редукция поместных земель в пользу короны, проведенная в Ингрии в 1684 г., не отразилась на положении местного крестьянства. Новые землевладельцы, чтобы обеспечить свои земли рабочими руками, частью переселяли сюда крестьян из других своих владений, частью искали их в иных местностях Финляндии с помощью вербовщиков. Известно, что между помещиками даже возникали тяжбы из-за сманивания крестьян друг у друга<sup>12</sup>.

О динамике численности финского населения в Ингрии после Столбовского мира есть достаточно надежные статистические данные. Соответствующие выкладки были сделаны еще в прошлом веке А. С. Форстрёмом. Согласно проведенным им вычислениям и анализу данных в работах позднейших исследователей, в

1641 г. на территории Ингрии жило 19 431 человек, из которых лютеране составляли 35%, а православные — 63,4% (о 1,6% жителей нет данных относительно конфессии)<sup>13</sup>.

В четырех льянах, на которые была подразделена Ингрия, соотношение между лютеранским и православным населением было различным. Менее всего лютеран было на западе и юго-западе: в Ямбургском льяне — 15,1%, в Ивангородском — 24,4, в Копорском — 17,4%. Правда, абсолютная численность лютеранского населения в Копорском льяне была значительной — свыше 1400 чел. Это объясняется тем, что Копорский и Ореховецкий льяны были крупнее территориально и население в каждом из них превышало 8 тыс. человек. В Ореховецком льяне лютеране составляли преобладающую часть жителей — их было 58,5%. Это вполне естественно, так как он граничил с основной территорией Финляндии и здесь, как уже отмечалось, ранее всего появились финские крестьяне-переселенцы<sup>14</sup>.

Следующий подсчет данных был произведен на 1650-е годы. К этому времени процент финского населения в Ингрии вырос до 40; общая численность населения достигла в это время 27 тыс. человек, лютеран среди них было свыше 11 тысяч<sup>15</sup>.

На дальнейшие демографические процессы существенно повлияла российско-шведская война 1656—1658 гг., которая закончилась подписанием в 1661 г. Кардисского мирного договора. С позиций финляндских исследователей эта война рассматривается как религиозная, и для этого были свои основания<sup>16</sup>. При подписании Столбовского мирного договора было оговорено, что местному населению Ингрии гарантируется право на сохранение православного вероисповедания. Однако на практике эта договоренность вскоре была нарушена. Густав II Адольф был ревностным приверженцем реформации и стоял на позиции «одно государство — одна вера»<sup>17</sup>.

Наступление на местное население с целью заставить его перейти в лютеранство усиливалось по мере того, как лютеранская церковь укрепляла свои позиции в Ингрии. Она довольно быстро создала здесь сеть своих приходов для финских переселенцев. Известно, что уже в 1590-е годы лютеранский приход был основан в Копорье, в сельской местности первым был приход в д. Лемпала в Куйвашском погосте (1611 г.) К 1655 г. в Ингрии насчитывалось уже 58 лютеранских приходов, было построено 36 церквей, в них вели службу 42 пастора. Лютеранская церковь Ингрии первоначально была подчинена Выборгскому епископу, но в 1642 г. ее выделили в самостоятельную епархию. Первым ее главой (суперинтендантом) стал настоятель Таллинского кафедрального собора Хенрик Штахель, ревностный служитель протестантской церкви. Он весьма жестко относился к православному населению и церковнослужителям в Ингрии. Местным жителям усиленно разъясняли, что для них не представляет разницы, ходить ли в «русскую» или «шведскую» церковь. Водь и ижору, которые говорили на сравнительно близких к финскому языкам, просто заносили в списки прихожан лютеранской церкви. Делались попытки также уничтожать и осквернять иконы, что встречало резкое противодействие местного православного населения.

Православных священников не впускали в лютеранские церкви, с тем, видимо, чтобы они не пытались вернуть в лоно своей церкви свою прежнюю паству. В 1645 г. было издано распоряжение, что православные священники должны были под угрозой штрафа обучать своих прихожан лютеранскому катехизису. Видимо, с этой целью в 1643 г. в Стокгольме был издан лютеранский катехизис Лютера на финском языке, но напечатанный славянскими буквами. Было категорически запрещено при этом служить в православных церквях на «финском языке» — можно полагать, что речь шла о водском и ижорском, поскольку местные священники хотя бы частично владели ими. Попытка совращения иноверца в православие каралась смертной казнью. Кроме того, в случае смерти православного священника запрещалось приглашать нового из-за пределов Ингрии, что практически составляло приход без пастыря. За короткий срок Штахелю удалось сократить число действующих православных церквей вдвое — к 1655 г. их оставалось всего 20<sup>18</sup>.

Наряду с этим принимались различные меры и социально-экономического характера, чтобы привлечь население к новой вере. Так, коренные жители Ингрии не могли стать заседателями местного суда или заняться торговлей, если не имели удостоверения от местного пастора, что посещают церковные службы и усвоили основы лютеранской веры<sup>19</sup>. Нет сомнения, что вследствие различных, в том числе и религиозных, притеснений в среде православного населения зрело недовольство. Не случайно генерал-губернатор Ингрии Густав Горн еще до начала войны доносил королю, что «православное население политически ненадежно»<sup>20</sup>.

Русские начали военные действия в 1656 г. на востоке, перейдя через р. Лаву и вторгнувшись в Лопский погост. Далее они двинулись к крепости Ниеншанцу, стоявшей на слиянии рек Невы и Охты. К войскам присоединялось местное православное население. В ходе наступления жгли усадьбы новых землевладельцев, было убито немало и крестьянского лютеранского населения, многие лютеранс бежали на север. Когда началось отступление русских войск, какое-то число финнов было угнано на территорию России. С российскими войсками уходили и массы православного населения. Известно, что из Кексгольмского ляна в это время ушло в Россию 4 тыс. семей. Некоторые местности совсем опустели: в Дудеровском погосте осталось 3—4 семьи, в Келтушском не осталось ни одной<sup>21</sup>. Аналогичной была ситуация и на западе Ингрии: отступая, российские войска угнали с собой все население Ямбурга. И после окончания военных действий православное население продолжало уходить на территорию России.

Одной из причин этого была все та же насильственная политика обращения православных в лютеранство. Непосредственный преемник Штахеля на посту суперинтенданта Юхана Рудбек и сменивший его в 1681 г. Юхана Гезелиус твердо стояли на позиции «одно государство — одна вера». В 1661 г., непосредственно после заключения Кардисского мира, Юхана Рудбек писал в одном из своих донесений, что русское население Ингрии, как и не знающие русского языка водь и ижора, «забыли христианское [имеется в виду лютеранское — *Н. Ш.*] учение» и снова «привыкли ходить в русские церкви», а также заключать «смешанные браки». По его словам, «только финны сохранили веру и сразу стали восставливать свои церкви»<sup>22</sup>.

Ю. Гезелиус, как и его предшественники, сразу ретиво взялся обращать в лютеранство православное, в первую очередь водское и ижорское, население, которое оказывало при этом упорное сопротивление. Гезелиус даже написал специальное «Воззвание веры к тем, кто говорит по-фински» (1685 г.). В нем он разъяснял, что водское и ижорское население — это те же финны и эстонцы, что «они родились в финской вере» и что все они «дети одного королевского величества». При этом Гезелиус, по его собственным данным от 1684 г., сумел обратить в лютеранство 3 тыс. семей из числа води и ижоры<sup>23</sup>.

К этому времени относятся сообщения и о том, что в некоторых приходах все водское и ижорское население приняло лютеранскую веру<sup>24</sup>. Это не означало, однако, что абсолютная численность перешедшего в лютеранство населения была действительно так уж велика: известно, что к концу XVII в. из числа коренных жителей края на месте их осталось не более четверти.

Как уже упомянуто, исход православного населения из Ингрии имел массовый характер. В те времена произошло переселение значительных групп карел в Новгородские и Тверские земли, под Тихвин и в другие места. Водь и ижора уходили, видимо, в основном в новгородские земли.

Известно, что значительная часть переселенцев после того, как Ингрия вновь вошла в состав России, вернулась в родные места. Часть их все же осталась на новых местах поселения. Некоторые группы в ходе времени растворились среди окружающего русского населения, другие же, более многочисленные, сохранялись достаточно устойчиво и существуют до сих пор, как, в частности, тверские и тихвинские карелы.

Довольно долго сохранялась группа ижоры, поселившаяся под Оредежем. В

1920-е годы языковеды еще успели собрать здесь языковой материал. Даже в 1950-е годы здесь было несколько человек, помнивших ижорский язык.

Можно полагать, что часть той води и ижоры, которая, оставшись в Ингрии, приняла лютеранство, в какой-то мере была затем ассимилирована и слилась с местными финнами. Другая же после перехода края под власть России и возвращения сюда беженцев вернулась «к вере отцов». Во всяком случае, в последующие века разделение местного населения по конфессии достаточно четко совпадало с этнической принадлежностью: водь, ижора, местные карелы и вепсы были православными, а финны и эстонские переселенцы — лютеранами.

Итак, война 1656—1658 гг. привела к очередному опустошению края, массовой гибели населения и его бегству за пределы Ингрии. Установление мира дало возможность быстрого восстановления численности обитателей этого края. Об этом свидетельствуют статистические данные.

Так, в территориально небольшом Ивангородском ляне число финнов возросло с 1661 к 1695 г. с 38,5 до 46,7%, что при общей численности населения в 1695 г. в 1700 человек составляло 364 финна. В Ямбургском ляне рост финского населения был значительно большим: с 209 до 1852 человек в 1695 г. (или с 44,9 до 62,4%). В Копорском ляне за этот период процент финского населения вырос почти вдвое — с 34,9 до 60,2%, а в абсолютных числах это выглядит еще внушительнее: в 1661 г. здесь жило чуть более 1,5 тыс. финнов, а в 1696 г. — почти 9 тыс. Как и ранее, наибольший процент финского населения был в Ореховецком ляне, но если перед началом войны он составлял чуть более 60, то в 1695 г. — 92,5%, т. е. православного населения здесь почти не осталось. В Ингерманландии в целом к концу XVII в. жило, согласно этим данным, свыше 31 тыс. человек, из которых свыше 70%, или 22,3 тыс., составляли финны<sup>25</sup>.

В этот период, после Столбовского мира, переселенцы, как и ранее, шли в Ингрию из восточных частей Финляндии.

Те, что переселялись из северных частей Карельского перешейка, в частности из прихода Эврипяя (Аугаряа), называли себя по месту исхода эврмейсет (аугамоiset). Переселенцы из более западных районов, из земли Саво, назывались савакот (savakot). При этом число выходцев из Саво с течением времени растет. По данным 1623 г., савосцы среди переселенцев вообще не значатся, в 1643 г. они составляют 9% всех мигрантов, а затем их число быстро увеличивается.

Стоит отметить, что финны-ингерманландцы долго сохраняли это внутреннее подразделение на две группы — эврмейсет и савакот.

Карта расселения инородческого населения на территории Петербургской губернии, составленная Кёппеном по данным на середину XIX в., свидетельствует, что эврмейсет жили в трех обширных ареалах. Первый составляли восточная и центральная части Карельского перешейка, второй — побережье Финского залива от Стрельны до Копорского залива и третий — юго-восточная часть губернии, районы Вырицы — Тосно. Западная часть перешейка, земли по обе стороны р. Невы, большая часть Копорского уезда, а также Принаровье были заселены савакот. По численности савакоты почти в 2 раза превышали число эврмейсет, хотя следует оговорить, что к савакотам зачастую относили пришельцев из разных мест Финляндии, если они не считали себя эврмейсет.

Обе группы финнов были близки по своему происхождению, их говоры относились к одной восточной группе диалектов финского языка. Мало отличались они и в бытовой культуре, если исключить один из внешних признаков — женскую одежду. Стоит отметить, что именно это привело к тому, что вместо термина «савосцы» (savolaiset) с течением времени стали говорить «савакот», что значит в сущности «женщины-саво». Впрочем, этнонимы, означающие именно лиц женского пола, применялись здесь и для других этнических групп — «ингерико» для ижорцев и «вадьяко» для води<sup>26</sup>.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что между эврмейсет и савакот существовал определенный барьер, если можно так выразиться, психологиче-

ского характера. Эврмейсет считали себя группой с более высоким социальным статусом. Они обосновывали это тем, что были старожилыми, а савакот — «новопоселенцами». Кроме того, они полагали себя хранителями исконных традиций, от которых, по их мнению, савакот легко отступали.

Финляндские собиратели фольклора и языка, работавшие в Ингрии во второй половине прошлого века, не раз отмечали определенный антагонизм этих двух групп финнов. Они подчеркивали, что для эврмейсет было свято все, что завещали им отцы и деды, и что они порицали савакот за их нестойкость, в частности, в вопросах веры. Одна из опрашиваемых женщин сказала, что савакот нестойки, как молодая поросль: «Куда ветер дует, туда они и клонятся». Действительно, в это время среди савакот широко распространилось сектантство, более всего было прыгунов, в частности, в приходах Молосковицы, Губаницы, Скуоритсы<sup>27</sup>. Эврмейсет, как показывают данные этнографических и фольклористических архивов, по возможности воздерживались от браков с савакот, предпочитая искать невест в случае необходимости в дальних, но эврмейсетских деревнях. Если же и вступали в брак с савакот, то женщины стремились сохранить свою традиционную одежду, внушали детям, что они эврмейсет, а не савакот.

Савакот имели и определенные подразделения, среди них существовали какие-то подгруппы то ли локального, то ли социального характера. Так, савакоты — жители больших потемкинских поместий, расположенных на север от Невы (финские приходы Келто, Ряпювья и Токсова), считали себя по социальному статусу выше окрестных финнов, называя себя при этом «настоящими государственными». Они воздерживались от контактов с соседями, не вступали в брак за пределами своего круга, сохраняя некоторые особенности в одежде, хотя в целом она соответствовала той, что носили все савакоты<sup>28</sup>.

К концу прошлого века подразделение финнов на савакот и эврмейсет начинает стираться. В переписи 1897 г. все они значатся как просто финны, число которых достигало в С.-Петербургской губернии 92 тыс. Эта цифра отражает не только естественный прирост за прошедшие со времени Ништадтского мира годы. После 1721 г. массовые переселения финнов на территорию Ингрии неизвестны, но, вероятно, они в какой-то мере происходили, особенно после того, как в 1809 г. Финляндия на правах автономного герцогства вошла в состав России. Для второй половины прошлого века характерным явлением был приход сюда финской бедноты на заработки — здесь существовала потребность в наемных рабочих. Некоторые состоятельные крестьяне, наладившие производство сельскохозяйственной продукции на рынок, нуждались в сезонных или поденных рабочих. Наряду с этим были и такие хозяйства, где мужчины постоянно работали в столице, а для ведения полевых работ нанимали в деревне батрака. При этом труд наемных работников — не только взрослых батраков и пастухов, но даже и подростков-подпасков — оплачивался в деревнях Петербургской губернии значительно лучше, чем в соседних районах Финляндии. Какая-то часть этих «бурлаков», как их презрительно называли местные финны, так и оставалась в этих местах навсегда.

При всем том рост финского населения в Ингрии шел отнюдь не в таком темпе, как численность русского населения. Приток русского населения происходил как стихийно, так и в административном порядке.

Достаточно хорошо известно, что многие из землевладельцев, получив от царского двора поместья на землях возвращенной России Ингрии, переводили сюда на опустевшие земли в массовом порядке крестьян из других своих владений<sup>29</sup>.

Эти вопросы выходят, однако, за рамки рассматриваемой нами темы. В данном случае мы хотели бы только отметить, что в конце прошлого века в сельской местности Петербургской губернии финны составляли лишь 15% от общей численности населения, или 130 413 человек. При этом наиболее ощутимой была доля финнов в северных и восточных уездах: в Шлиссельбургском уезде финнов было 43%, они составляли около трети населения в Санкт-Петербургском и Царскосельском уездах. В западных же частях губернии их было значительно меньше.

## Примечания

- <sup>1</sup> *Forstrom O. A.* Kuvaus Inkerimaan oloista Ruotsinvallan aikana. V. I. Sortavala, 1980.
- <sup>2</sup> *Salminen V.* Inkerin suomalaiset//Suomen Suku, n. III. Helsinki, 1926. *Haltsonen S.* Entistä Inkeriä//Tietolipas, N. 86. Helsinki, 1965; *Inkerin suomalaisten historia.* Toim. S. Haltsonen. Helsinki, 1969.
- <sup>3</sup> *Saloheimo V.* Paluu rauhan kauteen//Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. Helsinki 1991; *Idem.* Väestökehitys vuosina 1623—1643//*Ibidem*; *Kirkinen H.* Inkerin keskiaika ja uuden ajan alku vuoteen 1617//*Ibidem*.
- <sup>4</sup> *Järvenpää O.* Havaintoja Inkerin väkiluvun kehityksestä 1600-luvun kiinnitäen huomioita varsinkin vuosien 1656—58 sodan aiheuttamiin muutoksiin. Pro gradu. Helsingin yliopisto, 1960; *Jantunen A.* Siirtolaisuus Suomesta Pähkinalinnan läänin 1600-luvun alkupuolikolla. Pro gradu. Helsingin yliopisto, 1956; *Kuujo E.* Inkerin suomalaisasutuksen syynystä 1600-luvulla//Kalevalaseuran vuosikirja, N. 69—70. Helsinki 1990; *Saloheimo V.* Itäisen Inkerin väestömuutoksia Ruotsin vallan alussa//*Ibidem*.
- <sup>5</sup> *Kirkinen H.* Inkerin keskiaika... S. 50.
- <sup>6</sup> *Kuujo E.* Op. cit. P. 135—136.
- <sup>7</sup> *Saloheimo V.* Itäisen Inkerin... S. 144; *Kuujo E.* Op. cit. P. 137.
- <sup>8</sup> *Saloheimo V.* Itäisen Inkerin... S. 148; *idem.* Paluu rauhan... S. 70.
- <sup>9</sup> *Saloheimo V.* Itäisen Inkerin... S. 143.
- <sup>10</sup> *Kuujo E.* Op. cit. P. 138.
- <sup>11</sup> *Haltsonen S.* Op. cit. P. 26.
- <sup>12</sup> *Kuujo E.* Op. cit. P. 138.
- <sup>13</sup> *Forström O. A.* Op. cit.; *Kuujo E.* Op. cit. P. 138.
- <sup>14</sup> *Ibid.*
- <sup>15</sup> *Kuujo E.* Op. cit. P. 139.
- <sup>16</sup> *Haltsonen S.* Op. cit. P. 30.
- <sup>17</sup> *Saloheimo V.* Paluu rauhan... S. 71.
- <sup>18</sup> *Haltsonen S.* Op. cit. P. 25.
- <sup>19</sup> *Ibid.*
- <sup>20</sup> *Kuujo E.* Op. cit. P. 139.
- <sup>21</sup> *Kuujo E.* Op. cit. P. 139.
- <sup>22</sup> *Haltsonen S.* Op. cit. P. 31.
- <sup>23</sup> *Ibid.* P. 33.
- <sup>24</sup> *Ibidem.*
- <sup>25</sup> *Kuujo E.* Op. cit. P. 140.
- <sup>26</sup> *Haltsonen S.* Op. cit. P. 29.
- <sup>27</sup> *Tallqvist Th., Törneros A.* Kertomus runonkeruu matkasta Inkerissä, kesällä 1859//Suomi. 1860. P. 387; *Haltsonen S.* Op. cit. P. 95; *Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri.* Helsinki, 1991. P. 165.
- <sup>28</sup> *Sihvo P.* Varsinaiset vallan omat//Kalevalaseuran vuosikirja, N. 69—70. Helsinki, 1990.
- <sup>29</sup> *Высочков Л. В.* Об этническом составе сельского населения северо-запада России//Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. Л.: 1989. С. 113.

## The origin of Finn settlements in Ingria

The settling of Finns in Ingria began, for the most part, in the XVII century, when this territory was under the supremacy of Sweden. The author analyses the materials, concerning the matter in question, which are saved in foreign archives. She paid a particular attention to publications of Finn researches. Such an analysis seems to be rather important within the item of the deportations of Russia's Finns by the Stalinist regime and their rehabilitation in the later times.

*N. V. Shlygina*